

⁴⁵ Ксерокопии писем П. Наторпа и “Завещания” Марты Коген любезно предоставлены руководителем архива Г. Когена профессором Г. Хольцхеєм (университет г. Цюрих).

⁴⁶ *Wiedebach H. Die Hermann-Cohen-Bibliothek // Cohen H. Werke. Bd. 2: Supplementa. Zürich, 2000. S. 1.*

“ШЕСТОВ И БАТАЙ”: СОГЛАСИЕ НА ФИЛОСОФИЮ ТРАГЕДИИ

Камила Морандо

Да кто же, наконец, такие все эти Достоевские и Ницше, которые говорят как власть имущие? Чему они нас научат?.. Но они ничему нас не “учат”. Нет большего заблуждения, чем распространенное в русской публике мнение, что писатель существует для читателя. Наоборот – читатель существует для писателя. Достоевский и Ницше говорят не затем, чтоб распространить среди людей свои убеждения и просветить ближних. Они сами ищут света; они не верят себе, что то, что им кажется светом, есть точно свет, а не обманчивый блуждающий огонек или, хуже того, – галлюцинация их распространенного воображения. Они зовут к себе читателя как свидетеля, они от него хотят получить право думать по-своему, надеяться, право существовать. Идеализм и теория познания прямо возвещают им: вы безумцы, вы безнравственные, осужденные, погибшие люди. И они апеллируют к последней инстанции в надежде, что этот ужасный приговор будет отменен... Может быть, большинство читателей не хочет этого знать, но сочинения Достоевского и Ницше содержат не ответ, а вопрос. Вопрос: имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью, то есть возможна ли философия трагедии?¹

Жоржа Батая и Льва Шестова связывают размышления о трагедии и философии, которые, по определению Шестова, “начинаются только тогда, когда человек теряет все критерии истины, когда он чувствует, что не может обладать ни одним из ее критериев, и даже не нуждается в них”².

О связи между Батаем и Шестовым впервые заговорил Мишель Сюриса в своем замечательном эссе *Жорж Батай, смерть в творчестве*, опубликованном в Париже в 1988 г., а затем в статье *В конце концов, произвол. От “философии” Льва Шестова к “фи-*

¹ *Лев Шестов. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Избр. соч. М., 1993. С. 171–172.*

² *Chestov L. La philosophie de la tragedie: Dostojevsky et Neitzsche. P., 1966. P. 6.*

лософии Жоржа Батая”, зачитанной на коллоквиуме, посвященном Батаю, в Орлеане в 1993 г.³

С 1923 по 1925 гг. Шестов и Батай встречаются, беседуют о философии и литературе. Это происходит незадолго до знакомства Шестова с Бенжаменом Фонданом.

Имена Льва Шестова и Жоржа Батая связаны с момента публикации в 1925 г. в Париже французского перевода работы Шестова *Добро в учении графа Толстого и Ницше*, выполненного годом раньше, в 1924 г., Батаем совместно с дочерью Шестова Раго-Шестовой. Кроме того, русский философ помогает Батаю в чтении Ницше, а затем и Паскаля. Знакомство и общение этих личностей позволяют нам продолжить изучение “философской” манеры письма каждого из них и выявить существенную силу трагического, нашедшего выражение в их сочинениях.

Цитируя обоих мыслителей, мы предоставим им возможность свободно вести свой письменный диалог и постараемся указать на ту роль, которую сыграл Шестов в творчестве Батая.

* * *

Текст философской автобиографии, написанный Батаем в конце жизни, начинается словами: “Еще со школьных лет я связал философию со смыслом моей жизни. Как это, конечно, и бывает в таком возрасте...”⁴.

На творчество Батая часто смотрят как на то, что плохо поддается оценке, ибо оно свидетельствует о воле человека, знаменующего соединение неопределенного и невозможного, знатока хартий и документов и блестящего нумизмата, пытливого исследователя философии, социологии и этнографии, соблазненного историей искусства и живописью, искателя тайных обществ, в которых жертвоприношение дает возможность переписать себя в мифологии. Глаз и суверенитет, смерть и смех, жертвоприношение и эротизм формируют словарь и отражают суть мысли этого человека, первым начавшего реабилитировать творчество Ницше в 1936 г., яростно противясь фашистской трактовке его текстов. Он был одним из тех, кто не последовал “моде” и не примкнул ни к одному идейному течению своего времени, будь то сюрреализм Бретона или французская коммунистическая партия.

Выросший в мире болезненных одержимостей, где помешательство граничит с раскрытием истины смерти, Жорж Батай

³ Surya M. Georges Bataille, la mort à l'œuvre. P., 1988 et 1992; *Idem*. L'arbitraire après tout. De la “philosophie” de Leon Chestov à la “philosophie de Georges Bataille” // Georges Bataille après tout. P., 1995. P. 213–231.

⁴ Bataille G. Texte de l'autobiographie philosophique//Oeuv Compl. T. 8. P., 1976. P. 562. (Далее: О.С.).

предстает обезумевшим и потрясенным свидетелем мрачного детства: образы его слепого отца-сифилитика, “святого” и “безумного”, матери, отчаявшейся, погруженной в тоску и меланхолию, занимают значительное место в его литературном творчестве. В автобиографии Батай рассказывает, что, будучи комиссован по состоянию здоровья в 1917 г., он записался в семинарию и провел там один учебный год – с 1917 по 1918. Его обращение в католицизм произошло в 1914 г. в Реймсе. Как бы то ни было, в письмах, опубликованных в 1997 г., адресованных некоему Жану-Габриэлю, он говорит, что не решался “немедленно удалиться от мира” и стать семинаристом, так как “не находил в себе призвания к этому”⁵. Батай пришел к вере, узнав об объявлении войны в 1914 г., и покинул своего “нерелигиозного” отца⁶.

Первая опубликованная под его именем книга *Собор Реймской Богоматери*, датируемая, как правило, 1918 г., представляет собой благочестивый рассказ, свидетельство “набожного” периода жизни писателя⁷. Эта публикация полностью маргинальна по отношению ко всему остальному творчеству Батая. Автор не упоминал о ней, ее обнаружили лишь после его смерти. Дени Олье рассматривает молчание Батая по поводу этого текста как “разрыв, посредством которого осуществляется манера письма Батая”. “Батай станет писать лишь для того, чтобы разрушить этот собор; чтобы заставить его умолкнуть, он будет писать против этого текста. Но не в фетишистской фиксации (словно на некоем первородном грехе) и не только против этого текста, этих шести страниц, которые ретроспективно могли бы показаться не соответствующими всему остальному; он будет писать против принуждающей его глухой идеологической необходимости, против храма куда более тайного и обширного, в котором он виден насквозь и который мешал ему писать этот текст. Это привело к тому, что писать он смог только после него и против него, против подавляющей архитектуры созидательных ценностей”⁸.

⁵ Bataille G. Choix de lettres 1917–1962 / Éd. établi. et présent. par Michel Surya. P., 1997. P. 13, 19; Из этих писем видно, сколь сильно колебался Батай прежде чем выбрал религиозную стезю. Однако в них отрицается факт поступления в семинарию Сен-Флу, о котором рассказывает Батай. Жана-Габриэля идентифицировать не удалось.

⁶ Отец Жоржа Батая, Жозеф-Аристид Батай, умер в одиночестве 6 ноября 1915 г., в Реймсе, покинутым Жоржем и его матерью при эвакуации, последовавшей за бомбардировками в сентябре 1914 г. И хотя воспоминания Батая об отце окрашены отчаянием и ужасом, в его душе глубоко замечталось это событие.

⁷ Bataille G. Notre Dame de Rheims, Saint-Flour, 1918; *Idem*. O. C. T. I. P., 1970. P. 611–616. Эта книга упоминается в некрологе, составленном в 1964 г. сокурсником Батая по Школе хартий Андре Массоном (однофамильцем художника), ставшим главным смотрителем библиотек.

⁸ Hollier D. La prise de la Concorde, suivi des Les dimanches de la vie, Essais sur Georges Bataille. P., 1974. P. 32.

В 1918 г. юноша все еще колеблется в выборе между светской и религиозной жизнью. Разрыв с католицизмом произойдет позже, как раз в период общения с Шестовым. В 1922 г. в Национальной школе хартий Батай защищает диплом на тему “Рыцарский орден. Сказание в стихах XIII в.”, который министр образования охарактеризует как “философский и исторический одновременно”.

Работы Батая поразительны и разнообразны: подпольные “эротические” книги, опубликованные под псевдонимами⁹, эссе о доисторической живописи – *Ласко, или Рождение искусства* и *Мане*, “философские” произведения, такие как *Виновный*, *Внутренний опыт*, *Отверженная доля*, *Литература и зло* и *Эротизм*¹⁰. До второй мировой войны он издает журналы *Документы* и *Ацефал*, сотрудничает с журналом *Социальная критика*, первым левым печатным органом, критикующим сталинизм и постепенно возрождающим авторитет Ленина и Троцкого. Кроме того, он организует революционные “кружки” (в 1935 г. – Контр-Атак, а в 1937 г. – Коллеж социологии), для которых политическая необходимость и ангажированность остаются оружием свободы и средством соединения людей и сакрального, влюбленных и мифов.

В основе его рефлексии лежит попытка определить понятия экономии и траты, которые впервые начал разрабатывать Марсель Мосс, охарактеризовав их как обмен и дар¹¹. Батай дополняет это исследование теорией притяжения и отталкивания, позволяющей “расшифровать” жертвоприношения, культы и ритуалы различных древних и современных обществ. Философское письмо Батая – это крайняя форма трансгрессии, основанная на неограниченном и противоречивом опыте исступления, наслаждения и страдания, переживанию которого этот человек посвящает свою жизнь и творчество, дабы, терзаясь и принося себя в жертву, испытать все. 19 марта 1938 г., на заседании Коллежа социологии, он описывает и анализирует “экзистенциальную” форму общества, связывая ее с понятием “тотальности”, которая дает обществу “*реальность, суще-*

⁹ Как, например, *История глаза*, вышедшая под псевдонимом Лорд Ош в Париже в 1928 г. без указания имени издателя (Рене Бонель); *Мадам Эдварда*, вышедшая под псевдонимом Пьер Анжелик в Париже в издательстве Робера Шатте “Солитер” в 1941 г.; *Крошка*, опубликованная под псевдонимом Людовик Тридцатый в Париже без имени издателя (Робер Шатте) в 1943 г. Под именем Батая эти книги выйдут в свет только после смерти писателя.

¹⁰ Эти эссе Батая опубликованы под его именем: *Отверженная доля* – в 1949, *Внутренний опыт* – в 1954, *Ласко, или Рождение искусства* и *Мане* – в 1955, *Литература и зло* и *Эротизм* – в 1957, *Виновный* – в 1961 г. Полное собрание сочинений Батая издавалось парижским издательством Галлимар (Gallimard) в 12 томах, с 1970 по 1988 г.

¹¹ Марсель Мосс (1873–1950), в частности, написал эссе, которое оказало серьезное влияние на Батая; речь идет о работе *Очерк о даре. Форма и смысл обмена в архаических обществах (1932–1934 гг.)*.

ствующую для себя самой, реальность, в которой есть простой и чистый поиск экзистенции, простая и чистая воля быть независимым от любой частной цели”¹².

Философские работы Жоржа Батая, даже если сам он отказывается признать это, составляют неотъемлемую часть его творчества. На протяжении всей жизни он – страстный читатель, “дешифровщик” философских рукописей, питающих его собственные тексты. В биографической справке, написанной Батаем в конце жизни, можно выделить несколько красноречивых высказываний, свидетельствующих о несомненной его потребности в философии: “Начиная с 1914 года уже нет сомнения, что его дело в этом мире – писать, в частности – разрабатывать парадоксальную философию... Философия, к примеру, для Батая сводится к акробатике в худшем смысле слова. Речь идет не о достижении цели, а об избегании тех ловушек, которые являют собой эти цели. Не уклоняться от целей, выпадающих на долю всех людей, а сохранять за собой частичный суверенитет, нечто частично к ним несводимое – такова установка, вытекающая из религиозного опыта. Но освобожденный от поиска средств религиозный опыт, он-то – ничто, коли сам не является целью! У Батая, со своей стороны, есть труд, а он есть усилие, предпринимаемое ради уклонения, усилие высвобождения в смысле безусловной свободы”¹³.

Ницше, Сад, Гегель и Гераклит – ярчайшее созвездие, освещающее тексты Жоржа Батая; он цитирует их, трактует, непрерывно дискутирует и устанавливает с ними на удивление “человеческие” отношения.

Не так заметно “русское” влияние, которое Батай испытал, во-первых, читая русских писателей и философов, а во-вторых, общаясь с русскими интеллигентами, преподававшими в Париже или искавшими единомышленников в своей идеологической борьбе. Так в жизни Батая появился и Лев Шестов, открывший для него философию и литературу.

* * *

Когда Шестов в 1923 г. встретил Жоржа Батая, последний опубликовал лишь небольшую книжку – *Собор Реймской Богородицы*. К тому времени Батай только что закончил чтение *По ту сторону добра и зла* Ницше и приступил к Фрейдю. В качестве “посредника” и “историка философии”, по выражению Бенжамена Фондана, Лев Шестов советует Батаю прочесть не только Достоевского, но и

¹² Bataille G. Confréries, ordres, sociétés secrètes, églises. Conférence du samedi 19 mairs 1938 // Hollier D. Le Collège de Sociologie. P., 1995. P. 241.

¹³ Bataille G. Notice biographique // O.C. T. 8. P., 1976. P. 459, 462.

работы Ницше, Платона, Паскаля и Толстого, чтобы, как пишет Фондан, понять “глубочайшую мысль, состоявшую в том, что философия есть приуготовление к смерти”¹⁴.

Среди книг, которые брал Батай в Национальной Парижской библиотеке, можно найти и других русских авторов, часть из которых, конечно же, была рекомендована Шестовым: в 1924 г. – *Вечный муж* Достоевского, *Евгений Онегин* Пушкина, *Откровения смерти* Шестова; в 1925 г. – *Бесы* Достоевского, *Ревизор* Гоголя, полный французско-русский словарь, *Преступление и наказание* Достоевского, *Записки из подполья* Достоевского, *Детская болезнь левизны в коммунизме* Ленина, *Пролетарская революция и ренегат Каутский* Ленина же; в 1930 г. – *Маркс и Энгельс* Рязанова, *К социализму или капитализму?* Троцкого, *Основные вопросы марксизма* Плеханова; в 1931 г. – *Записки революционера* Кропоткина; в 1932–1933 гг. – *Сочинения* Бакунина; *Теория исторического материализма* Бухарина; в 1935 г. – *История русской революции* Троцкого; и в 1937 г. – *Взаимная помощь как фактор Эволюции* Кропоткина.

Большое впечатление произвели на Батая произведения Достоевского, особенно *Записки из подполья*, работы Льва Троцкого и Георгия Плеханова, сама жизнь и творчество которого олицетворяют исторический переход русской философии от популизма к марксизму¹⁵. Работы Шестова, полученные от автора, также вызвали живой интерес Батая.

Скорее всего Батай познакомился с Шестовым в Школе восточных языков, куда записался для изучения русского и китайского, впрочем китайский довольно быстро забросил. До 1925 г. Батай и Шестов время от времени встречались в доме последнего, на улице Саразат и проводили вечера в совместном чтении и рассуждениях. Философия Шестова в то время была пропитана трагичностью. В предисловии к своей книге *Достоевский и Ницше*, он задавался вопросом, что есть философия трагедии: “Означает ли это философию безнадежности, отчаяния, безумия, даже смерти?”¹⁶.

В *Тексте философской автобиографии* Батай сообщает: «Философствование Льва Шестова исходило от Достоевского и Ницше, и это прельщало меня. Я быстро почувствовал, что свойственное мне неустовство непреодолимо разделяет нас. Но я уважал его; он негодовал по поводу моего нескрываемого отворачивания к

¹⁴ Fondane B. Sur les rives de l'Ilissus. Après de la mort de Léon Chestov // Rencontres avec Leon Chestov. P., 1982. P. 13. Текст подготовлен и прокомментирован Наталией Барановой и Мишелем Карассу (Nathalie Baranoff et Michel Carassou), введение Мишеля Карассу.

¹⁵ Плеханов (1856–1918) провел часть жизни в Петрограде; как и Кропоткин, он осуждал государственный переворот 25 октября 1917 г., приведший Ленина к власти.

¹⁶ Лев Шестов. Достоевский и Ницше (Философия трагедии). С. 161.

философским штудиям, а я, когда Шестов глубокомысленно направляя меня в чтении Платона¹⁷, покорно слушал его. Именно ему я обязан основными философскими познаниями... Вскоре после этого, я, как и все мое поколение, стал тяготеть к марксизму. Шестов был эмигрантом из социалистической страны, и я отдался от него, оставаясь глубоко благодарным этому человеку... Впоследствии лень и некоторая крайность поступков часто будут сбивать меня с верного пути, но я и по сей день потрясен тем, что понял, слушая его: неистовство человеческой мысли есть ничто, пока оно не доведет эту мысль до завершения. Мысль Льва Шестова удаляла меня от безудержного стремления к концу, которое впервые смутно дало знать о себе уже в Лондоне (в общении с философом Анри Бергсоном); нужно было как-то расстаться с Шестовым, но я был восхищен его терпением, проявленным ко мне, умеющим в ту пору объясняться лишь с каким-то “унылым” иступлением»¹⁸.

“Унылое иступление”, о котором говорит Батай, может быть передано словами Шестова из предисловия к *Философии трагедии*: “У нас остались живые, которые своим существованием смущали и продолжают нас смущать еще более, чем погребенные, согласно учению, мертвецы. У нас остались все не имеющие земных надежд, все отчаявшиеся, все обезумевшие от ужасов жизни. Что делать с ними? Кто возьмет на себя нечеловеческую обязанность зарыть в землю этих?”¹⁹

Не будучи учителем Батая, Лев Шестов все же сыграл “педагогическую” роль в его жизни. Прежде всего, их связывало чтение Ницше. Последнего Батай открыл для себя в 1922 г., и этот опыт чтения сыграл определяющую роль в формировании его мысли. «Я впервые прочел Ницше (отрывки из “Так говорил Заратустра”), когда верил в Бога. Я был потрясен, но остался верен себе. Однако я сильно изменился, и в 1922 году, прочитав “По ту сторону добра и зла”, почувствовал, что мог бы сказать это и сам»²⁰.

¹⁷ Мишель Сюриа отмечает, что пояснение может показаться странным, так как утверждается, что “для Шестова, как потом и для Батая, Платон играл очень незначительную роль” (Surya M. L’arbitraire après tout. De la “philosophie” de Léon Chestov à la “philosophie de Georges Bataille”. P. 215). Благодаря чтению Платона возникла “идеальная триада”: глаз, отец и солнце. Эта триада находит отклик в мысли и сочинениях Жоржа Батая. Однако зачарованность солнцем, вселяющим надежду и ослепляющим, светоносным и непристойным, обретает в творчестве Батая свое перевернутое выражение, так как с самого детства, испытывая мучительное отвращение к слепому отцу, он определил эту триаду как мертвый глаз, черное солнце и ледящее душу присутствие безумного и потерявшего человеческий облик отца.

¹⁸ Bataille G. Texte de l’autobiographie philosophique // О.С. Т. 8. P. 562–563.

¹⁹ Лев Шестов. Достоевский и Ницше (Философия трагедии). С. 161.

²⁰ Bataille G. Albert Camus ou la défaire de Nietzsche // Notes de la Souveraineté, О.С. Т. 8. P. 640 (рукопись, не включенного в издание предисловия).

В начале 20-х годов Батай не был достаточно хорошо знаком с творчеством Ницше. К тому же, как и большинство его современников, он “поэтизирует” и “идеализирует” Ницше. Шестов помогает Батаю осознать ницшеанскую генеалогию в контексте общей истории философии, объединяющей имена Паскаля, Плотина, Тертуллиана, Гераклита, Эпиктета. Более того, для Шестова, как отмечает Мишель Сюра, “мысль Ницше вновь овладевает тем, что стремилась отвергнуть: она возникла уже не из ничто (*ex nihilo*), хаоса, из отсутствия всяких связей и отношений”²¹.

Чтение работ Шестова позволяет Батаю проводить расколдовывающий анализ поэтического характера сочинений Ницше, каковые в юности облекались тем – как и Батаем, на период его обращения в католицизм в 1914 г. – в романтическую и идеалистическую форму.

* * *

По утверждению Мишеля Сюра, в письме от 10 июля 1923 г. Батай сообщает Шестову о своем намерении написать специальную работу (статью? книгу?) о его творчестве. Возможно, Батай и написал ее, а затем уничтожил – нам об этом неизвестно; однако это позволяет сделать вывод, что он “достаточно хорошо был знаком с творчеством Шестова, чтобы заявить самому автору о подобном намерении”, и что он “высоко оценивает его, чтобы усматривать полезным такое исследование”²². Батай знакомился с творчеством Шестова, читая его, конечно, по-немецки²³, ведь французские переводы в 1925 г. были редки²⁴. Речь идет о первой книге, к которой Батай намеревался обратиться, однако от этого проекта не осталось ни малейшего следа – ни наброска, ни отрывка. Зато в 1925 г. вместе с дочерью Шестова, Татьяной Раго-Шестовой, он работает над переводом одной из ранних книг Шестова – *Добро в учении графа Толстого и Ницше (Философия и Проповедь)*, который будет опубликован в Париже в издательстве “Век”. Именно эта парижская публикация впервые вышла под именем Батая²⁵. Более того, Батай впер-

²¹ Surya M. Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P., 1992. P. 79.

²² Surya M. L'arbitraire après tout. De la “philosophie” de Léon Chestov à la “philosophie de Georges Bataille”. P. 215.

²³ Батай хорошо владел иностранными языками: он отлично читал и писал на английском, испанском, немецком, итальянском. Без сомнения, он мог читать по-гречески и по-латыни.

²⁴ Первая книга Шестова, переведенная на французский, *Гефсиманская ночь (Философия Паскаля)*, появилась в 1923 г. в издательстве Грассе. Но большинство книг Шестова были вначале переведены на немецкий в Берлине. Так, *Власть ключей* (Берлин, 1923 г.) была переведена на французский только в 1927 г.

²⁵ Как уточняет Мишель Сюра, Батай подписался под переводом, хотя его знание русского находилось на начальном уровне; его вклад состоял в том, чтобы “переложить” книгу на французский.

вые применяет в этом “переводе” манеру письма и мышления Ницше, которого Шестов умышленно сравнивает с Толстым, противопоставляя и передавая их мысль открыто тенденциозным тоном, характерным для того времени.

Во второй книге Шестов порывает с идеализмом своей первой работы *Шекспир и его критик Брандес* и противопоставляет философию Ницше учению Толстого. В начале своего эссе он цитирует знаменитое письмо Белинского²⁶ от 1941 г. к Боткину, в котором тот окончательно отвергает гегелевские концепции: “Если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития – я и там бы попросил вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен за счет каждого из моих братьев по крови. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участью идею дисгармонии”²⁷.

Это письмо указывает на изучение антиидеализма, которым руководствовался Шестов и которое прельстило юного Батая. Книга Шестова заканчивается следующими словами: «Добро – братская любовь – мы знаем теперь из опыта Ницше – не есть Бог. Горе тем любящим, у которых нет ничего выше сострадания”. Ницше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога»²⁸.

В предисловии к своей книге “О Ницше”, опубликованной в 1945 г., Жорж Батай заявляет о желании присоединиться к Ницше в этом поиске Бога: “Предельное безусловное стремление человека было впервые выражено Ницше независимо от моральной цели и от служения Богу... Трудности, с которыми столкнулся Ницше, – отступаясь от Бога и отступаясь от добра, но все же горя тем же пламенем, что и готовые отдать свои жизни рада Бога или блага, – мне еще встретятся в свой черед”²⁹.

²⁶ В.Г. Белинский (1811–1848), литературный критик, сформировавшийся под влиянием Шиллера и романтизма, вдохновленный текстами Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Он оказал огромное влияние на русскую интеллектуальную жизнь. Не будучи “профессионалом”, он все же обладает значительной философской культурой. Он интересуется скорее человеком, его местом в обществе и истории, социальной справедливостью, чем метафизикой или теорией познания. Испытав сильнейшее влияние Гегеля, Белинский порывает с понятиями немецкого философа и признает очевидность “объективного и ужасающего мира”.

²⁷ Письмо Белинского цитируется Львом Шестовым в работе *Добро в учении графа Толстого и Ницше (Философия и Проповедь)*, в кн.: *Лев Шестов*. Избр. соч. С. 41.

²⁸ Там же. С. 156.

²⁹ *Bataille G. Sur Nietzsche // О.С. Т. 6. Р., 1973. Р. 12–13.*

Книга *Ницше и Достоевский (Философия трагедии)* знакомит Батая с шестовской интерпретацией обоих мыслителей³⁰. Автор особое внимание уделяет обращению Ницше и Достоевского, дабы выразить свое собственное восхищение обращениями такого рода и указать на разрыв с философской идеей преемственности традиций и культов. Так в глазах юного Батая, еще колеблющегося при мысли о поступлении в семинарию, Шестов становится “учителем анти-идеализма”. Если до конца 1924 г. Батай не определился относительно своей религиозной жизни, то именно в это время происходит его “новое обращение”, или скорее настоящее “обращение” с целью отринуть Бога, сводя его на нет. Мишель Сюраи задается вопросом: “Как же можно не представлять, что Шестов повлиял (но как?) на утрату Батаем истинной веры?”³¹.

Разумеется, речь идет об утрате католической веры, а не той религиозности, которая неустанно вдохновляла сочинения Батая. О нем также часто говорят как о “мистике”, но цель его духовного поиска, конечно же, была иной, чем у Шестова. Как подчеркивает Пьер Клоссовски – единственный, кто почувствовал, насколько Батаю “русские не давали покоя, в особенности Шестов”, – “атеология “Ацефала” опирается на идею, что смерть Бога не завершается неким атеизмом и развалинами Голгофы, что смерть Бога не окончательна, что она продолжается”³².

Шестов, а за ним и Батай исследовали важнейшую тему в философии Ницше, а именно: каково место “религиозного” и священного в поиске человеческого одиночества и смерти или казни Бога. (Уточним, что Батай впервые встречает “Шестова встревоженным, лихорадочно возбужденным, спорящим”³³.) Как подчеркивает Мишель Сюраи, влияние шестовской интерпретации сочинений Ницше, в частности “паскализации Ницше”, найдет свое проявление тридцатью годами позже, в *Суверенетете* Батая: “Бог Авраама подчиняет людей заповеди, но ей не подчинено само божество. Способ видения Ницше ближе к действию благодати, противопоставленной трудам, но сами эти доктрины, по-видимому, всякий раз вытеснялись из-за мук, которые возлагались ими на простоту доброго человека. Так что в имморализме Ницше мы можем усмотреть то, что обычно не замечается, но чем он жил, а именно гиперхристианство”³⁴.

Кроме того, Шестов советует Батаю перечитать Паскаля, которого считает символом отказа от рационализма, как материалисти-

³⁰ Эта книга вышла на французском языке в 1926 г. в Париже, в издательстве Шифрина.

³¹ *Surya M. Georges Bataille, la mort à l'oeuvre*. P. 80.

³² *Klossowski P. La peintre et son demon*. P., 1985. P. 177. При поддержке Жана-Мориса Моннуайе (Jean-Maurice Monnoyer).

³³ *Fondane B. Rencontres avec Léon Chestov*. P. 26.

³⁴ *Bataille G. La souveraineté // O.C. T. 8. P., 1976. P. 671.*

ческого и научного, так и спекулятивно-религиозного, воплощающим в себе антиидеалистическую мысль, которую Шестов сравнивает с бездной. В *Великих канунах*, к примеру, он пишет: *“Источник силы заключен в том, что считается источником слабости, – в головокружении. Нас манит бездна, нерешенное, а не желание избежать трудностей, разгадать тайну, словом... мы должны полюбить ужас”*³⁵. В сочинении *Внутренний опыт*, работу над которым Батай начал в 1940 г., он изменяет этому самому восхищению бездной, выделяя некую высшую область священного внутри профанной жизни. Он пишет: *“Выпитое до дна христианство есть отсутствие спасения, отчаяние Бога. Оно ослабевает и испускает дух, когда добивается своих целей. Агония Бога в личности человека неизбежна. Это бездна, в которую его толкает головокружение. В агонии Бога есть лишь оправдание греха. Она не оправдывает не только небо (тусклый накал сердца), но и ад (ребячество, цветы, Афродита, смех)”*³⁶.

Шестов комментирует Паскаля и возвышает его, ставя в один ряд с Ницше. Батай оценивает силу воздействия текстов Паскаля – в то время как Шестов “паскализует” Ницше и “нищезирует” Паскаля³⁷ – и заключает: *“Паскаль воскрес через два столетия в лице Ницше”*³⁸.

После 1925 г. Батай, судя по всему, больше не встречался с Шестовым, который помог ему открыть для себя философию и который повлиял на его религиозный, философский и человеческий выбор. *“В 1938 и 1940 гг. смерть разорвала тонкие и слабые, но символически очень крепкие узы: со смертью Шестова в 1938 г. исчезла связь Батая с Ницше. А после смерти Мориса Эйна в мае 1940-го порвалась и другая, с Садом”*, – пишет Мишель Сюриа³⁹.

* * *

Подле Шестова Батай открывает себя в философии, особенно в философии Ницше, в лоне его письма, воспринятого благодаря опыту перевода. Батай чувствует, что в глубине его души борются философ и распутник. “Отойдя” от Шестова, он стал склоняться к марксизму, как и большинство его современников в конце 20-х годов.

Мысль Шестова и мысль Батая разнятся в конечных целях их антиидеализма: цели Шестова всю его жизнь оставались духовными, тогда как цели Батая были материалистического порядка, причем

³⁵ Лев Шестов. Великие Кануны.

³⁶ Bataille G. L'expérience intérieure // О.С. Т. 5. Р., 1973. Р. 61.

³⁷ Surya M. Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. Р. 218–221.

³⁸ Лев Шестов. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля).

³⁹ Surya M. Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. Р. 337.

“низкоматериалистического”, как он это сам обрисовывает, дабы отличать их от исторического материализма⁴⁰.

На протяжении всей жизни Шестов разрабатывает свой анализ различия веры и знания, заключая в своей последней книге *Афины и Иерусалим*, что “разум приводит к необходимости, а вера – к свободе”⁴¹. Этот вдохновенный чтением Паскаля иррационализм был с легкостью усвоен Батаем. В итоге, *Мысли* Паскаля оказали наиболее сильное литературное влияние на Батаю, особенно ошутимое в *Винновом* и во *Внутреннем опыте*, как “бессознательная реминисценция Шестова”⁴². Батаевский Ницше также глубоко пронизан Паскалем.

Мы завершаем наш обзор о творческом общении Шестова и Батаю словами последнего, взятыми из его книги *О Ницше*, – словами, отсылающими к “философии трагедии” и отдающимися эхом тем шестовских, которые мы процитировали в начале:

*“Сегодня я нахожу уместным высказать свое смятение. Я пытался вытянуть из себя следствия одного учения, ясного и влекущего меня своим светом. Я обрел тревогу и почти постоянное чувство изнеможения. Но изнемогая, я все равно не оставлял того стремления, о котором сказал. Или скорее само стремление не отпускало меня: умри я, и тогда, мне кажется, я не смог бы. Я пожелал бы тем, кого люблю, претерпевать и изнемогать в свою очередь. Ведь человеку присущи безудержный порыв, жажда независимости, свобода бытия. Свобода, конечно, понимается по-разному, но разве сегодня кого-то удивить тем, что за нее умирают?”*⁴³.

Перевод О. Тимофеевой
Редакция О.В. Головой

⁴⁰ См.: *Surya M. L'arbitraire après tout. De la “philosophie” de Léon Ghestov à la “philosophie de Georges Bataille”*. P. 226.

⁴¹ *Лев Шестов. Афины и Иерусалим*.

⁴² *Surya M. Georges Bataille, la mort à l'oeuvre*. P. 405.

⁴³ *Bataille G. Sur Nitsche*. P. 13.